

“НАШ СОВРЕМЕННОК” О И. В. СТАЛИНЕ

Яростные споры о роли Сталина в мировой и в отечественной истории начались в середине 30-х годов прошлого столетия и докатились до нынешних дней.

Первое поколение десталинизаторов и апологетов Сталина состояло из его современников, чьи имена навсегда вошли в мировую историю: Троцкий, Черчилль, Гитлер, Шарль де Голль, Хрущёв, Мао Цзедун, Милован Джилас...

Каждый из них пытался по-своему истолковать и понять явление, именуемое “Иосиф Сталин”.

Его фигура властно притягивала к себе многих всемирно знаменитых деятелей культуры Европы и Советского Союза: Лиона Фейхтвангера, Чарльза Сноу, Андре Жюда, Роже Гароди, Михаила Шолохова, Ильи Эренбурга, Константина Симонова, Луки Войно-Ясенецкого.

Но все они были людьми, жившими в одно время со Сталиным, также как его безлые слуги, вроде чекиста Вальтера Кривицкого и дипломата Фёдора Раскольникова, как преданные ему великие маршалы Победы. Естественно, что ни те, ни другие не могли оценить его как человека и как исторический феномен с объективной беспристрастностью.

Поэтому мы решили познакомить читателей журнала с оценками Сталина историков и публицистов, обогащённых свободой мысли и знаниями, пришедшими к нам после тектонических сдвигов мировой цивилизации, связанных с исчезновением сталинской империи, с установлением нового мирового порядка, с появлением громадного количества фактов и документов, ранее хранившихся за семью печатями. Как эти трагические катаклизмы повлияли на оценку его фигуры и его эпохи, как понимают свободным умом его роль и значение исследователи, ныне живущие рядом с нами или совсем недавно от нас ушедшие, получившие необъятные возможности для понимания личности, масштабы которой после бесчисленных приливов и отливов хулы и хвалы постепенно обретают истинные очертания...

Как сказал Сергей Есенин, “...Большое видится на расстоянии”...

Станислав КУНЯЕВ

“БОЛЬШОЕ ВИДИТСЯ НА РАССТОЯНЬЕ...”

**Валентин БЕРЕЖКОВ, личный переводчик И. В. Сталина.
Из книги “Рядом со Сталиным” (1998)**

В последнее время у нас много писали о советских поставках Германии, справедливо упрекая Сталина в том, что он снабжал Гитлера зерном, нефтью, редкими металлами, помогал нацистам накапливать стратегические запасы, использованные впоследствии в войне против Советского Союза. Но надо сказать, что и мы получили не только необходимое нам оборудование, но и современные военные системы. Лишь при таких условиях советское правительство соглашалось поставлять Германии нужное ей сырьё. Мы получили от немцев самый современный для того времени крейсер “Лютцов”, однотипный с крейсером “Принц Евгений”, — оба эти корабля германский флот строил для себя. Кроме того, нам передали рабочие чертежи новейшего линкора “Бисмарк”, 30 боевых самолётов, среди них истребители “Мессершмитт-109” и “Мессершмитт-110”, пикирующие бомбардировщики “Юнкерс-88”, образцы полевой артиллерии, новейшие приборы управления огнём, танки и формулы их брони, взрывные устройства. Наряду с этим Германия обязалась постав-

лять нам оборудование для нефтяной и электропромышленности, локомотивы, турбины, дизель-моторы, торговые суда, металлорежущие станки, прессы, кузнечное оборудование и другие изделия для тяжёлой промышленности.

* * *

Некоторые авторы сейчас утверждают, что всех посетителей, даже Молотова, перед кабинетом вождя обыскивали, что под креслами находились электронные приборы для проверки, не спрятал ли кто-то оружие. Ничего подобного не было. Во-первых, тогда ещё не существовало электронных систем, а во-вторых, за все почти четыре года, что я приходил к Сталину, меня ни разу не обыскивали и вообще не подвергали каким-либо специальным проверкам. Между тем, в наиболее тревожные последние месяцы 1941 года, когда опасались заброшенных в столицу немецких агентов, каждому из нас выдали пистолет. У меня, например, был маленький “вальтер”, который легко можно было спрятать в кармане. Когда около шести утра заканчивалась работа, я, взяв его из сейфа, отправлялся в здание Наркоминдела на Кузнецком, где в подвале можно было немного отдохнуть, не реагируя на частые воздушные тревоги. В осенние и зимние месяцы светало поздно, и улицы были погружены во мрак. Правда, часто попадался комендантский патруль, проверял документы. Но ведь мог встретиться и немецкий диверсант. Вот на сей случай и полагалось оружие. По приходе в Кремль на работу следовало спрятать пистолет в сейф. Но никто не проверял, сделал ли я это и не взял ли оружие, отправляясь к Сталину.

* * *

Сталин обладал способностью очаровывать собеседников. Он, несомненно, был большим актёром и мог создать образ обаятельного, скромного, даже простецкого человека. В первые недели войны, когда казалось, что Советский Союз вот-вот рухнет, все высокопоставленные иностранные посетители, начиная с Гарри Гопкинса, были настроены весьма пессимистически. А уезжали они из Москвы в полной уверенности, что советский народ будет сражаться и, в конечном счёте, победит. Но ведь положение у нас было действительно катастрофическое. Враг неотвратимо двигался на восток. Чуть ли не каждую ночь приходилось прятаться в бомбоубежищах. Так что же побуждало Гопкинса, Гарримана, Бивербрука и других опытных и скептических настроенных политиков менять свою точку зрения? Только беседы со Сталиным. Несмотря на казавшуюся безнадёжной ситуацию, он умел создать атмосферу непринуждённости, спокойствия.

В кабинет, где всегда царил тишина, едва доносился перезвон кремлёвских курантов. Сам хозяин излучал благожелательность, неторопливость. Казалось, ничего драматического не происходит за стенами этой комнаты, ничего его не тревожит. У него масса времени, он готов вести беседу хоть всю ночь. И это подкупало. Его собеседники не подозревали, что уже принимаются меры к эвакуации Москвы, минируются мосты и правительственные здания, что создан подпольный обком столицы, а его будущим работникам выданы паспорта на вымышленные имена, что казавшийся им таким беззаботным хозяин кремлёвского кабинета прикидывает различные варианты на случай спешного выезда правительства в надёжное место. После войны он в минуту откровения сам признался, что положение было отчаянным. Но сейчас он умело это скрывает за любезной улыбкой и показной невозмутимостью. Говоря о нуждах Красной Армии и промышленности, Сталин называет не только зенитные, противотанковые орудия и алюминий для производства самолётов, но и оборудование для предприятий, целые заводы. Поначалу собеседники недоумевают: доставка и установка оборудования, налаживание производства потребуют многих месяцев, если не лет.

А ведь западные военные эксперты утверждают, что советское сопротивление рухнет в ближайшие четыре-пять недель. О каком же строительстве новых заводов может идти речь? Даже оружие посылать русским рискованно —

как бы оно не попало в руки немцев. Но если Сталин просит заводы, значит, он что-то знает, о чём не ведают ни эксперты, ни политики в западных демократиях. И как понимать олимпийское спокойствие Сталина и его заявление Гопкинсу, что если американцы пришлют алюминий, СССР будет воевать хоть четыре года? Несомненно, Сталину виднее, как обстоят тут дела! И вот Гопкинс, Бивербрук, Гарриман заверяют Рузвельта и Черчилля, что Советский Союз выстоит и что есть смысл приступить к организации военных поставок стойкому советскому союзнику. Сталин блефовал, но, по счастью, оказался прав. Так же, как и тогда, когда после посещения британским министром иностранных дел Антони Иденом подмосковного фронта во второй половине декабря 1941 года он заявил:

– Русские были два раза в Берлине, будут и в третий раз...

Михаил ЛОБАНОВ
Из книги “Сталин”, М., 1995

Среди документов по истории Отечественной войны особое место занимает знаменитый приказ № 227 И. В. Сталина, подписанный им в тревожное время, когда враг грозил прорывом к Сталинграду и захватом его. Даже и теперь, по прошествии более полувека после тех грозных дней, ледяным ветром эпохи веет от суровых слов приказа, беспощадных в требовании стоять насмерть. Много говорилось и писалось о жестокости этого приказа, грозившего расстрелом за самовольное, без приказа, отступление, по словам же маршала А. Василевского, “...приказ № 227 – один из самых сильных документов военных лет по глубине патриотического содержания, по степени эмоциональной напряжённости”.

о. Дмитрий ДУДКО
Из книги “Сталин”

Теперь вот настало время реабилитировать Сталина. Впрочем, не его только, но само понятие государственности. Сегодня мы сами воочию можем увидеть, какое преступление есть безгосударственность и какое благо – государственность! Как ни кричат, что в советское время много людей погибло в лагерях, но сколько гибнет сейчас без суда и следствия, безнаказанно, безвестно – ни в какое сравнение не идёт та гибель! Весь ограбленный и обманутый народ теперь вздыхает: был бы Сталин, не было бы такой разрухи...

Но эта реабилитация, так сказать, с человеческой точки зрения, а мне предстоит реабилитировать его с духовной, поскольку я священник.

Начну с вопроса. Что лучше: “деспотизм” сталинских времён или демократия нашего времени? Сталинцы, скажите: тот же деспотизм – подавление свободы, принижение личности, а либерализм, демократия – значит, полные права, полная свобода всего и вся?..

Нет, господа, перед жестокостью демократии бледнеет всякий деспотизм. Скажите, пожалуйста, когда было больше обездоленных, заключённых, пусть и не в тюрьмы, когда преступность и безнравственность имели такую свободу на улицах и на телевидении, в печати и без печати? Когда ещё, в какие времена весь народ, за исключением немногих, сидел на голодном пайке? Когда и какие правители с таким цинизмом, как теперь, разрушали собственную экономику в угоду более сильному соседу?

Но как всё то, что я говорю, сообразовать с христианскими понятиями, спросят у меня? Христианство, что ли, атеизмом поддерживается? Ведь при сталинском деспотизме всё было опутано атеизмом. Атеизм был везде и всюду.

Но, видимо, не случайно философ Н. Бердяев говорил: атеизм – это дверь к Богу с чёрного хода. И мы сейчас видим, как многие атеисты стали по-настоящему верующими. Я никогда не забуду, как один высокопоставленный атеист-коммунист мне сказал, что, хотя он и коммунист-атеист, но воспитан в православной традиции. Да, как это ни покажется странным, но в русском атеизме-социализме есть и православная традиция, поэтому

коммунистическое движение в России вписывается в русскую историю. Это часть нашей истории, которой не вычеркнуть. А вот будет ли сегодняшняя демократия частью нашей истории, хотя бы потому, что она, не посоветовавшись с Западом, ничего не предпринимает? Это чуждое явление для России!

Сталин был деспот, да, но он был ближе к Богу. Хотя бы потому, что атеизм — дверь к Богу с чёрного хода. Демократы, как ни объявляют себя верующими... Они верующие, только в Золотого тельца: в бизнес, в Мамону... А в Евангелии прямо сказано: не можете служить одновременно Богу и Мамоне!

Теперь я хочу припомнить, как наши Патриархи, особенно Сергей и Алексий, называли Сталина богоданным вождём. К ним присоединялись и другие, допустим, такие, как крупный учёный и богослов Архиепископ Лука Войно-Ясенецкий. Кстати, сидевший при Сталине, но это не помешало ему называть Сталина богоданным.

Да, Сталин нам дан Богом, он создал такую державу, которую сколько ни разваливают, а не могут до конца развалить. И поверженной её боятся хвалёные капиталистические страны. И то, над чем смеялись постоянно: вставил, мол, решётку: мол, Царь Пётр прорубил окно в Европу, а Сталин закрыл его решёткой. Значит, правильно сделал. Мы далеки от мысли о том, чтобы не сообщаться с Западом, но при нём мы не видели такого морального разложения, такой преступности, которую видим сейчас, когда выбросили эту решётку.

Как ни горько сказать, но решётка на Запад нам необходима — это благо для России. Она помогает нам видеть неповторимость, самобытность России, как Святой Руси, богоносной страны и, если хотите, Третьего Рима в лучшем смысле этого слова. А Четвёртому не бывать — это тоже верно.

Рой МЕДВЕДЕВ Из книги “Неизвестный Сталин”

После смерти Сталина в 1953 году были написаны более ста его биографий. После частичного рассекречивания советских партийных и государственных архивов в 1991–1992 годах были подготовлены ещё сотни книг и обзоров, посвящённых изучению различных “сталинских” кампаний: индустриализации, насильственной коллективизации сельского хозяйства, деятельности Сталина в период Второй мировой войны и различным приливам сталинского террора... Были опубликованы и несколько целиком сфальсифицированных псевдобиографий Сталина, иногда в форме романа. Сталин неизбежно оказывался центральной фигурой в опубликованных, часто посмертно, воспоминаниях его близких и не очень близких соратников и сотрудников, бывших членов Политбюро, министров, маршалов и генералов, сотрудников разведки, дипломатических переводчиков и даже работников его личной охраны. <...> Почти десять лет изучения новых данных о Сталине, появившихся в России и за рубежом, убедили нас, что действительно глубокое понимание эпохи Сталина и его роли в мировой истории ещё только начинается. Советский Союз как политически и социально новое государственное образование был создан в результате революционного процесса, возглавлявшегося Лениным. Однако СССР как жёстко централизованное, тоталитарное государство и как индустриально-развитая и мощная в военном отношении держава был создан, прежде всего, Сталиным. Это относится и к той коммунистической “внешней” империи, протянувшейся от Берлина до Пекина, которая была образована после 1945 года. Кажется парадоксальным, но именно исчезновение этой “империи”, а затем дезинтеграция самого СССР в 1991 году представили историкам возможность наиболее объективно анализировать проблему, что же представлял собой в мировой истории Советский Союз, и, соответственно, оценить историческую роль его создателей — Ленина и Сталина.

<...> После Сталина к власти приходили всё менее и менее способные, иногда и просто случайные политические фигуры. Экономическая и военная мощь СССР продолжала расти, но его политическое единство всё больше и больше удерживалось лишь по инерции, благодаря прочности заложенного ранее фундамента, в который никто из коммунистических лидеров послесталинского периода не вложил ни одного нового кирпича.

Сталин был не только вождём, диктатором и тираном. За внешней оболочкой культа личности жестокого деспота существовал и обычный человек — думающий, размышляющий, имеющий огромную волю, большое трудолюбие и немалый интеллект. Он был также несомненным патриотом исторической российской государственности.

<...> Для таких людей, как Ленин и Сталин, невозможно определить, сыграли ли они в судьбе человечества отрицательную или положительную роль. Они сыграли историческую роль. Советский Союз не был аномалией исторического развития. Это был шаг вперёд из того тупика, в который завела мир Первая мировая война.

Александр ЗИНОВЬЕВ **О Сталине и сталинизме**

... Оценка личности Сталина немыслима без оценки эпохи, неразрывно связанной с его именем, — эпохи сталинизма. Что такое Сталин без сталинизма? Человек невысокого роста. Недоучившийся малограмотный семинарист. Рядовой. Говорящий по-русски с грузинским акцентом. Он был коварен, мстителен и жесток. Своими пальцами оставлял жирные пятна на страницах книг... А не слишком ли это жидко для характеристики человека, владевшего и до сих пор ещё владеющего умами и сердцами миллионов людей?! После урагана разоблачений ужасов сталинского периода, который (ураган) начался со знаменитого доклада Хрущёва и достиг апогея с появлением не менее знаменитого «Архипелага ГУЛАГ» А. Солженицына, прочно утвердилось представление о сталинском периоде исключительно как о периоде злодейства, как о чёрном провале в ходе истории, а о самом Сталине — как о самом злодейском злодее из всех злодеев в человеческой истории. В результате теперь в качестве истины принимается лишь разоблачение язв сталинизма и дефектов его вдохновителя. Попытки же более или менее объективно высказаться об этом периоде и о личности Сталина расцениваются как апологетика сталинизма. И всё же я рискну отступить от разоблачительно-критической линии и высказаться в защиту... нет, не Сталина и сталинизма, а лишь возможности объективного понимания их.

Кроме того, мне кажется, что я имею и моральное право на такой риск. Я с юности не питал никаких симпатий к Сталину и сталинизму. Ещё в 1939 году я открыто выступил против культа Сталина, за что был исключён из комсомола и из института, направлен в психиатрический диспансер для обследования, а затем доставлен на Лубянку. В диспансере меня признали психически здоровым, чего не сделали бы в либеральные послесталинские времена. А из лап органов государственной безопасности мне удалось ускользнуть. И вплоть до хрущёвского доклада моим тайным призыванием была антисталинистская пропаганда. Должен признать, что я не был единственным в своём роде. В хрущёвские годы дело критики сталинизма взяли в свои руки сами бывшие заядлые сталинисты, и мой антисталинизм утратил смысл.

А моя мать до самой смерти (она умерла в 1968 году) хранила в Евангелии портрет Сталина. Она пережила все ужасы коллективизации, войны и послевоенных лет. Если бы в деталях описать, что ей пришлось вынести, читатель не поверил бы. И всё-таки она хранила портрет Сталина. Почему? В ответе на этот вопрос лежит ключ к пониманию сущности сталинизма. Дело в том, что несмотря на все ужасы сталинизма, это было подлинное народовластие, это было народовластие в самом глубоком (не скажу, что в хорошем) смысле этого слова, а сам Сталин был подлинно народным вождём. Народовластие — это не обязательно хорошо. Зверства сталинизма были характерным выражением народовластия в тот период. И этому ничуть не противоречит то, что одновременно это было и насилием над самим народом. Народный вождь — это не обязательно мудрый и добрый человек. Иногда народные вожди бывают отпетыми мерзавцами. А иногда они сами глубоко презирают свой народ, ибо знают, что такое народные массы в реальности, а не в книжках и в доктринах. Именно Сталин, а не Ленин был народным вождём, ибо у Ленина тех именно качеств, какие приписываются Сталину, было недостаточно, чтобы стать народным вождём.

Чтобы ответить на вопрос о сущности сталинизма, надо установить, чьи интересы выражал Сталин, кто за ним шёл. Почему моя мать хранила портрет Сталина? Она была крестьянка. До коллективизации наша семья жила неплохо. Но какой ценой это доставалось? Тяжкий труд с рассвета до заката. А какие перспективы были у её детей (она родила одиннадцать детей!)? Стать крестьянами, в лучшем случае – мастеровыми. Началась коллективизация. Разорение деревни. Бегство людей в города. А результат? В нашей семье один человек стал профессором, другой – директором завода, третий – полковником, трое стали инженерами. И нечто подобное происходило в миллионах других семей. Я не хочу здесь употреблять оценочные выражения “плохо” и “хорошо”. Я хочу лишь сказать, что в эту эпоху в стране происходил беспрецедентный в истории человечества подъём многих миллионов людей из самых низов общества в мастера, инженеры, учителя, врачи, артисты, офицеры, учёные, писатели, директора и т. д. и т. п. Не играет никакой роли, могло бы или не могло бы нечто подобное произойти в России без сталинизма. Для участников процесса это фактически происходило во время сталинизма и, казалось, благодаря ему. И в самом деле – во многом благодаря ему. Вот эти миллионы людей, вовлекавшие в сферу своих переживаний миллионы других, и явились опорой и ударной силой сталинизма. Конечно, не только реальные успехи людей, но и их иллюзии играли тут важную роль. Но иллюзии не насчёт марксистских сказок (в них верили мало), а насчёт самых простых вещей: улучшения бытовых условий и душевных отношений между людьми. Эти надежды пересиливали наше негативное отношение к нарождающемуся обществу. Хотели мы этого или нет, они связывались с именем Сталина. При оценке личности надо учитывать не только её субъективные качества, но и то, как она отображается в сознании окружающих. А Сталин в сознании окружающих отображался не только и не столько как мерзавец, сколько как символ этого великого процесса. Это была серьёзная история, а не просто насилие кучки жестоких злоумышленников над добрым и обманутым народом. Народ обманут не был.

В Советском Союзе официально считалось, что в сталинские времена нарушались нормы партийно-государственной жизни, но что с этим после смерти Сталина было покончено. По этому поводу раздаются критические голоса. “Ничего подобного! – вещают эти голоса. – Упомянутые нормы всегда нарушались!” Эти голоса считают, что если в стране плохо, так, значит, и нормы нарушаются. Но как официальная точка зрения, так и её критика в данном случае лишены смысла. Дело не в том, соблюдаются или нет нормы, а в том, что собой представляют сами эти нормы. А эпоха сталинизма была эпохой изобретения и утверждения этих норм. Дело обстояло не так, будто уже были некие нормы, когда пришёл Сталин со своей бандой и начал нарушать их. Когда пришёл Сталин, никаких норм ещё не было. Они рождались и утверждались в том страшном процессе, который лишь впоследствии был истолкован как их нарушение. Нельзя было нарушить то, чего ещё не было. Просто процесс становления общества имеет свои нормы, в соответствии с которыми вырабатываются нормы возникшего общества. Весь сталинский период проходил в точном соответствии с первыми.

Сталин был адекватен породившему его историческому процессу. Не он породил этот процесс, но он наложил на него свою печать, дав ему своё имя и свою психологию. В этом была его сила и его величие. Не исключено, что молодёжь ещё будет когда-нибудь тосковать по сталинским временам. Народ (тот самый, якобы обманутый и изнасилованный) уже тоскует и встречает упоминание его имени аплодисментами.

Александр АЙВАЗОВ
“Завтра” № 35, 2012

Поражение Германии в Первой мировой войне, кабальный и унижительный для неё Версальский мирный договор сделали Вторую мировую войну практически неизбежной. Ясно понимая, что война обязательно начнётся, Сталин старался максимально мобилизовать страну: “Мы отстаем от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в де-

сять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут”. И тут ему сильно повезло: понижающаяся волна четвёртого большого Кондратьевского цикла породила Великую депрессию. Проведя под лозунгом коллективизации экспроприацию крестьянства и “задушив” нарождавшуюся в условиях нэпа мелкую буржуазию, Сталин собрал значительные финансовые ресурсы для начала индустриализации страны. Без этой экспроприации модернизацию отсталой России осуществить в сжатые сроки было бы абсолютно невозможно.

И Сталин осуществил этот прорыв, бросив на приобретение бесценного опыта, самых современных технологий и оборудования всё: до последнего грамма золотого запаса, экспортного килограмма зерна, штуки вывозимого яйца.

У наиболее развитых стран Европы и в США были закуплены тысячи полнокомплектных заводов и фабрик с самыми передовыми в то время технологиями и оборудованием. Тысячи специалистов, инженеров и техников из развитых стран мира были приглашены в СССР для создания здесь нового ТУ, основанного на двигателе внутреннего сгорания и конвейерном производстве Форда. И Россия за десятилетие одним прыжком перескочила сразу на четвёртый ТУ, став вровень с наиболее развитыми странами мира. И этот прорыв обеспечил именно Сталин, приняв единственно верное политическое решение: использовать Великую депрессию в интересах скорейшей индустриализации СССР.

Несмотря на крайнее напряжение всех сил страны, партии и народа, Сталин не успел к июню 1941 года создать мощную индустриальную державу, способную выдержать нападение лучшей армии мира, за спиной которой стояла современная индустрия всей Европы. Но приобретённое в условиях Великой депрессии самое передовое оборудование и технологии разместили в основной своей массе в индустриально развитых западных районах СССР, где с дореволюционных времён оставалась производственная инфраструктура. Поэтому в первые дни войны перед Сталиным стала дилемма: пожертвовать армией или оборонной индустрией?

Сохранить 4,5-миллионную кадровую армию, осуществив организованный отвод войск вглубь территории СССР и организовав линию обороны в соответствии с военной наукой, как предлагал ему Жуков и другие военачальники, но потерять при этом большую часть оборонного потенциала СССР, с таким трудом и огромными жертвами созданного за годы первых пятилеток? Или успеть вывести все основные предприятия оборонки за Волгу, создав там, на подготовленных в последние предвоенные годы промышленных площадках новые заводы и фабрики, которые обеспечат армию всем необходимым в ходе всех лет войны, но при этом пожертвовать кадровой армией, прошедшей хорошую подготовку и достаточно хорошо оснащённой за годы первых пятилеток? Сталин выбрал второй вариант.

Александр ПРОХАНОВ **“Завтра” № 4, 2013**

Сталин сегодня – это Сталин-миф. Сталин вернулся к нам, в наше мировоззрение, в нашу политическую культуру не человеком, выступавшим на съездах, создававшим новое оружие, человеком, который вёл сложнейшую мировую игру. Он явился к нам как миф. Миф, в котором спасается сегодняшнее русское племя, русский человек, русский народ: растоптанные, обобранные, лишённые своего государства люди. Народ, у которого отняли его величие, его историческую судьбу. Народ, которому говорят, что он все и не народ. И этот раненый, истерзанный народ скрывается в Сталине.

Роже ГАРОДИ

... Я думаю, что на фигуру Сталина нужно смотреть в историческом плане. В сущности, тогда была осада: вспомним, что железный занавес выдумали не русские, а Клемансо и Черчилль, которые говорили о необходимости

натянуть занавес из железной проволоки и задушить Советский Союз голодом. А когда страна находится в осаде, то это совершенно не ведёт ни к какой терпимости. Действительно, в тот исторический период были ужасные отклонения, и я думаю, что с этой точки зрения Сталин был плохим учеником Ленина. В одном из своих последних текстов, опубликованных в “Правде”, который можно действительно рассматривать как политическое завещание Ленина, тот писал, что пройдёт 50–60 лет, прежде чем крестьяне на своём собственном опыте придут к коммунизму. Сталин же захотел сделать это за два года. В результате он уничтожил советское сельское хозяйство, которое и сейчас ещё не поднялось. С другой стороны, когда Сталин говорил в 1931 году: “Если мы не будем производить 10 миллионов тонн стали в год, то меньше чем за 10 лет нас раздавят”, – он был прав. Через десять лет, то есть в 1941 году. Если бы он тогда не совершил то невероятное усилие, которое, действительно, с человеческой точки зрения стоило очень дорого, мы бы сейчас жили ещё в эпоху Освенцима.

...Очень легко говорить задним числом: нужно было сделать то-то, не хватало того-то. К сожалению, дорога истории, как говорил Ленин, это не Невский проспект. И в определённых исторических условиях сначала нужно делать то, что необходимо, даже если это будет стоить больших человеческих усилий. Я считаю, что с человеческой точки зрения сталинизм стоил нам очень дорого, но надо также сказать и о том, что если Европа свободна сегодня, так это благодаря Сталинграду.